

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-631-646>

<https://elibrary.ru/UQAWPJ>

ГЕРМАН ДМИТРИЕВИЧ ХОХЛОВ — РУССКИЙ И СОВЕТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

© 2024 г. И.З. Белобровцева

Статья подготовлена в рамках проекта «Эстония между Востоком и Западом: Парадигма “свой”, “другой”, “чужой”, “враг” в культурах Эстонии XX в.» при поддержке Фонда европейского регионального развития Европейского Союза (Центр исследования эстонских штудий — TAU-16078).

Аннотация: Активное изучение проблем эмиграции первой волны стало возможным лишь со второй половины 1980-х гг. Однако и до сих пор в этом кластере существуют большие лакуны, одна из которых касается процесса репатриации русских эмигрантов в 1920–1930-х, а также 1940-х гг. И хотя судьбы вернувшихся на родину деятелей культуры изучены более основательно, это относится прежде всего к фигурам наиболее заметным, международный и российский авторитет которых обуславливал их особое место в русской и советской культуре. Между тем материалы и выводы о роли и судьбах рядовых эмигрантов позволяют выстроить необходимую для генерализующих выводов фоновую панораму. Настоящая статья существенно дополняет биографию Германа Дмитриевича Хохлова (1908–1938), литературного критика, работавшего как в зарубежье, так и в Советском Союзе. В то же время анализ его литературно-критического творчества позволяет, сопоставив его с творчеством других литераторов-реэмигрантов, сделать вывод о планомерном уничтожении именно группы «репатриантов по убеждениям».

Ключевые слова: репатриация, литературная критика, Герман Хохлов, Николай Андреев, Варлам Шаламов.

Информация об авторе: Ирина Захаровна Белобровцева — PhD, почетный профессор, Таллиннский университет, Нарвское ш., 29, 10120 г. Таллинн, Эстония.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1619-4642>

E-mail: venefil@tlu.ee

Для цитирования: Белобровцева И.З. Герман Дмитриевич Хохлов — русский и советский литературный критик // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 631–646. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-631-646>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

GERMAN DMITRIEVICH KHOKHLOV — RUSSIAN AND SOVIET LITERARY CRITIC

© 2024. Irina Z. Belobrovtsseva

Acknowledgements: European Regional Development Fund of the European Union (Estonian Studies Research Center — TAU–16078).

Abstract: Active study of the first wave Russian emigration problems has become possible in Russia only since the second half of 1980s. However, there are still large gaps in this field, one of which is concerned with the process of Russian emigrants' repatriation in 1920s–1930s, as well as in 1940s. And, although the life of cultural figures who returned to their homeland has been studied more thoroughly, this applies primarily to the most prominent figures, whose international and Russian authority determined their special place in the Soviet culture. Meanwhile, the materials and conclusions about the role and destiny of ordinary emigrants can become the basis for designing the background panorama necessary for generalizing conclusions. This article significantly complements the biography of German Dmitrievich Khokhlov (1908–1938), a literary critic who worked both abroad and in the Soviet Union. At the same time, the analysis of his literary and critical work allows, comparing it with the work of other re-emigrant writers, to draw a conclusion about systematic destruction of the very group of “repatriates by conviction.”

Keywords: repatriation, literary criticism, German Khokhlov, Nikolai Andreev, Varlam Shalamov.

Information about the author: Irina Zakharovna Belobrovtsseva, PhD, Professor Emeritus, Tallinn University, Narva Road 29, 10120 Tallinn, Estonia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1619-4642>

E-mail: venefil@tlu.ee

For citation: Belobrovtsseva, I.Z. "German Dmitrievich Khokhlov — Russian and Soviet Literary Critic." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrubka, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 631–646. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-631-646>

Активное изучение проблем эмиграции первой волны, ставшее возможным в российской науке лишь со второй половины 1980-х гг., до сих пор обнаруживает большие лакуны, одна из которых относится к процессу репатриации русских эмигрантов в 1920–1930-х, а также 1940-х гг. Так, Иван Васильевич Петров, отмечая, что «репатриация, процесс возвращения на историческую родину лиц, ранее по политико-идеологическим причинам покинувших ее пределы, представляет собой сложный и не до конца оцененный процесс истории разных мировых держав» [3], справедливо усматривает явную недостаточность исследований, посвященных феномену «возвращенчества». И хотя судьбы вернувшихся на родину деятелей культуры изучены более основательно, однако это утверждение относится прежде всего к фигурам наиболее заметным, международный и российский авторитет которых обуславливал их особое место в русской, а затем и в советской культуре.

Из четырех основных вопросов, о необходимости решить которые говорит исследователь, — анализ социального, национального, конфессионального состава реэмигрантов, политическая принадлежность возвращенцев, идеологические и моральные обоснования их решения, изучение судьбы вернувшихся — в настоящей статье будет проблематизирован один, последний.

На примере судьбы и творчества литературного критика Германа Дмитриевича Хохлова в статье будет рассмотрен один из случаев «возвращенчества», получивший в классификации О.Р. Демидовой наименование «репатрианты по убеждению»¹. Применительно к Хохлову можно говорить, с одной стороны, о типичности его судь-

¹ Убедительное подразделение реэмигрантов на три группы — во-первых, случайных беженцев, или, как называет их О.Р. Демидова, «стихийных репатриантов»;

бы, подразумевая ее финал, свершившийся в полном соответствии с Оперативным приказом НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», в пункте четвертом которого при определении подлежащего репрессиям контингента, наряду с членами антисоветских партий, бывшими белыми, жандармами, чиновниками, карателями и т. п., поименованы также и реэмигранты. Хохлов был арестован в октябре 1936 г., осужден на 10 лет, а затем, после переквалификации уголовной статьи, расстрелян 14 мая 1938 г. Его архив не сохранился. С другой стороны, нетипичными были обстоятельства его отъезда из России: по его собственным словам (проверить которые пока не представляется возможным), пятнадцатилетний Хохлов покинул родину с разрешения советских властей в 1923 г., когда родители отправили его из Саратова, где он родился, на воспитание (и для получения образования) к дяде в Таллинн.

Закончив Таллиннскую частную русскую гимназию в 1927 г., он воспользовался единственной оставшейся к тому времени возможностью получить бесплатное высшее образование по «Русской акции» Масарика — в располагавшемся в Праге Русском институте сельскохозяйственной кооперации. Семестром позже он поступил также на философский факультет Карлова университета.

В 1931 г. он, предположительно, вступил в Союз возвращения на родину, в конце лета 1933 г. вернулся в СССР, сначала в Ленинград, примерно через месяц в Москву. До ареста работал в Музее детской книги, публиковал статьи о детской литературе, о творчестве отдельных писателей, рецензии на книги и отдельные номера журналов.

11 октября 1936 г. Хохлов был арестован, в мае 1937 г. Военным трибуналом Московского военного округа осужден по статье 58-4 («за оказание помощи международной буржуазии» на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. От своих следственных показаний Хохлов отказался на суде. 13 мая 1938 г. тот же трибунал приговорил его по статье 58-8 («террористический акт») и 58-2 («вооруженное восстание») к высшей мере наказания. 10 сентября того же года приговор был приведен в исполнение. В 1956 г. Хохлов был реабилитирован.

Несмотря на короткую жизнь, Хохлов успел проявить себя как талантливый литературный критик и в зарубежье, и в СССР. Его ста-

во-вторых, эмигрантов, руководствовавшихся идеологическими построениями; и, в-третьих, вернувшиеся «по соображениям сугубо прагматического порядка и авантюристы» [1, с. 12–13] — включает подавляющее число судеб репатриантов.

тии были высоко оценены Михаилом Осиповичем Цетлиным и Глебом Петровичем Струве. Можно согласиться с ровесником Хохлова, также репатриантом Алексеем Владимировичем Эйсером, писавшим в личном письме в 1968 г.: «Я очень любил этого не только умного, но и талантливого человека, думаю, самого талантливого из тогдашних студентов в Праге. Ужасно его жаль, он был бы теперь, возможно, соперником лучших советских критиков»².

Материалы о жизни и творчестве Германа Хохлова собираются по крупицам. На сегодняшний день мы располагаем двумя вариантами его биографии в научных источниках: во-первых, биографический очерк в «Энциклопедии русского зарубежья. 1918–1940» [2, т. 1, с. 420], автором которого выступил Вячеслав Петрович Нечаев; во-вторых, биография Хохлова опубликована в сборнике произведений и документов ««Скит». Прага 1922–1940» [16, с. 506] В.П. Нечаевым в соавторстве с Любовью Николаевной Белошевской. От первого ко второму варианту некоторые слагаемые биографии были уточнены, сам биографический очерк обрел бóльшую стройность и нарастил объем. Остается только пожалеть о том, что авторы редко дают ссылки на источники своей информации, хотя, например, упомянут архив ФСБ, хранящий протоколы допроса Хохлова, от которых он отказался на суде. В обоих изданиях отмечен сыгравший важную роль в судьбе молодого литератора советский полпред, причем в Энциклопедии уверенно говорится о Федоре Федоровиче Раскольникове, в 1930–1933 гг. полпреде в Эстонии, тогда как «Скит» обходится анонимным полпредом (возможно, потому что им мог быть и советский полпред в Чехословакии в 1929–1933 гг. Александр Яковлевич Аросев). Однако и в том и в другом случае никаких доказательств самого факта участия полпреда в участии Хохлова не приведено. Можно предположить, что и эти сведения почерпнуты из протоколов допросов Хохлова, которого, возможно, принуждали засвидетельствовать враждебную деятельность Раскольникова.

Заслуживают уточнения и другие сведения, хотя бы ход и результат учебы Хохлова в Праге. Здесь авторы биографии опираются на две мемуарные книги — «То, что вспоминается» Николая Ефремовича Андреева и «Воспоминания» Вадима Владимировича Морковина. И мемуаристы, и сам Хохлов были «скитовцами», к тому же у Андреева сложились с ним особые отношения [см.: 5], однако оба они признаются, что отдалились от Хохлова задолго до его отъезда

² Письмо А.В. Эйснера Н.Е. Андрееву от 13 октября 1968 г. Личный архив Екатерины Николаевны Андреевой.

в СССР³, отсюда и неточные и разнящиеся даты его реэмиграции, и, например, неверное указание Морковина на то, что Хохлов закончил университет⁴.

В то же время пристального внимания заслуживают совпадения в названных мемуарных источниках, например, в описании подготовки Хохлова к отъезду на родину. По Морковину, «Хохлов никогда не скрывал своего намерения уехать в Советский Союз, но в “Союз возвращенцев” вступил лишь после окончания университета. <...> В то время в этом союзе считалось, что возвращение “надо заслужить” <...> “заслуживать” надо было за границей. Это унижительное условие отталкивало многих честных людей, что несомненно спасло их жизнь» [8, с. 206]. В мемуарах Андреева есть фрагмент, читающийся как продолжение этого рассуждения. В частности, он вспоминал: «Герман мне сам показывал советский журнал, а там подпись “Х” — это, говорит, мои корреспонденции. В них общались, например, выдуманные вещи о Чехословакии: какие-то забастовки, какие-то столкновения, которых и в помине не было. Я страшно изумился, сказал: “Герман, послушайте, о чем Вы пишете, это же выдумки!” На что он очень ехидно улыбнулся и сказал: “Вы, при Вашем известном буржуазном добродушии, не понимаете, что такое политическая борьба”» [4, т. 2, с. 52].

Линия поведения, избранная Хохловым, привлекла внимание одного из основателей Пражского исторического архива, историка, литератора Сергея Порфирьевича Постникова. Судя по воспоминаниям Морковина, тот считал Хохлова советским агентом, основываясь на его странных поступках — в какой-то момент он оборвал связи со всеми знакомыми, а спустя некоторое время решил эти связи возобновить. Постников связывал эту перемену с получением Хохловым нового задания от его кураторов, и не только отказался

³ Оснований считать это «ложью во спасение» нет, так как оба мемуариста в момент создания мемуаров жили за пределами СССР.

⁴ По-видимому, то же самое писал в анкетах и сам Хохлов — во всяком случае, в графе «образование» следственного дела Германа Хохлова стоит «высшее» [20]. Однако на наш запрос последовал следующий ответ архива Карлова университета: “German Chochlov /up to our alphabet and catalogues/ was matriculated at the Charles University in Prague in winter term 1927/28. He studied 8 terms continuously (with one exception, in summer term 1930 he was not inscribed), last time inscribed in winter term 1931/32. We didn’t obtain doctor grade here. We don’t have other information about him” <Герман Хохлов был зачислен в Карлов университет в зимнем семестре 1927/28. Он проучился подряд 8 семестров (за одним исключением, он не записался на летний семестр 1930), последним стал зимний семестр 1931/32. Мы не обладаем сведениями о его докторской степени. У нас нет никакой другой информации о нем> [15].

сам, но и отговорил от общения с Хохловым Андреева. Последний, рассуждая о судьбе Хохлова в СССР, в сущности, вторит Морковину: «должен же он был сообразить, что его отец был лишенец, и его вывезли оттуда как сына лишенца⁵, и он не может вернуться в Советский Союз и там войти в литературные круги без того, чтобы принести что-то в жертву, на алтарь коммунизма» [4, т. 2, с. 51].

Трудности, с которыми сталкиваются исследователи жизни и творчества Хохлова, отчасти обусловлены такой чертой его характера как склонность к мистификациям⁶. В этой связи, кроме уже упомянутых мемуаров, можно назвать еще некоторые, воссоздающие атмосферу первых лет большого террора. Так, Галина Ивановна Левинсон, вспоминая о Хохлове как сослуживце своего мужа, Юрия Григорьевича Островского, хранившего в тумбочке с его бумагами, говорит о Хохлове как вернувшемся из Австралии [12]. Автором этого мифа мог быть единственно Хохлов.

Особняком стоят сведения о Германе Хохлове, сообщенные Варламом Тихоновичем Шаламовым, прежде всего, потому что это единственное известное свидетельство, принадлежащее знакомым Хохлова уже после репатриации. Они оказались в одной камере Бутырской тюрьмы, и Хохлов явно впечатлил Шаламова, судя по тому, что его имя упоминается в двух текстах последнего. Во-первых, в «Колымских рассказах»: «Время от времени — раз в неделю — устраивались концерты, где капитан дальнего плавания Шнайдер показывал фокусы, а Герман Хохлов, литературный критик “Известий”, читал стихи Цветаевой и Ходасевича. Хохлов был эмигрант, окончивший русский университет в Праге, просившийся на родину. Родина встретила его арестом, следствием, лагерным приговором» [26, с. 324]. Уже в этом фрагменте Шаламов воспроизводит неверные сведения со слов Хохлова, который не учился в Праге в русском университете и не был литературным критиком «Известий». Отчасти то же повторено во втором тексте — в главке «Воспоминаний»

⁵ Отметим попутно, что подобные сведения об отце Хохлова встречаются только у Андреева и получены были, скорее всего, от того же Хохлова.

⁶ Одна из них замечательно описана в мемуарах Н.Е. Андреева: Хохлов, любивший «всякие мистификации, таинственные, неопределенные действия, <...> вступил в переписку с Сириним-Набоковым, прикинувшись женщиной, и писал ему письма, где обсуждал творчество Сирина, и, по-видимому, так того поразил, что Сирин ему отвечал совсем всерьез. Я читал эти письма, и мы очень смеялись: Сирин-Набоков, такой сноб, недотрога, никому не отвечает на письма, не кланяется ни с кем за исключением Ходасевича, и вдруг попался на письма вымышленной особы. Это был типичный Герман» [4, т. 2, с. 53].

Шаламова «Герман Хохлов», где тот так же выступает сотрудником «Известий», пражанином, окончившим в Праге — на этот раз — русский институт, где специализировался по русской литературе. Кроме того, у Шаламова он характеризуется непонятным определением «нансеновский стипендиат». Очевидно, именно воспоминания Шаламова стали источником биографии Хохлова, опубликованной в сборнике документов «Скит», по меньшей мере, относительно фантастического утверждения о том, что его отец покинул Россию с Врангелем, а затем работал во Франции [25]. Независимо от того, подвела Шаламова память или эти сведения действительно были сообщены ему Хохловым, из многочисленных разночтений следует, что его биография явно нуждается в уточнении.

Однако цель настоящей статьи состоит в ответе на вопрос, прав ли был Николай Андреев, говоря о неизбежности принесенной на алтарь коммунизма жертвы? И ответ в данном случае подразумевает сравнение литературно-критического творчества Германа Хохлова периода зарубежья и тринадцати советских лет.

Судьба Хохлова как литературного критика в досоветский период складывалась на редкость удачно, в особенности учитывая его местонахождение в Праге, вдали от «столиц» русской эмиграции. В определенной мере это было обусловлено убежденностью руководителя литературного объединения «Скит» Альфреда Людвиговича Бема в «необходимости своей “молодой” критики. Это должно быть сделано. Кружки молодых критиков или расширение» [16, с. 654]. Неслучайно объединение молодых литераторов «Скит» дало сразу двух талантливых литературных критиков так называемого незаменного поколения — Николая Андреева и Германа Хохлова.

В количественном отношении библиография первого, зарубежного периода критического творчества Хохлова уступает периоду советскому. Обозначенную без каких бы то ни было выходных данных в сборнике документов «Скит» статью Хохлова «Советский юмор» (1926) обнаружить не удалось, поэтому его литературным дебютом можно считать участие в двух первых выпусках «Сборника произведений и статей молодежи “Новь”» (1928 и 1929 гг.). Здесь Хохлов выступает в разных жанрах: публикует два стихотворения — «Когда падает снег — я спокоен...» и «Гуттаперчевый мальчик»; два очерка о русских писателях «Валерий Брюсов» (подписан инициалами Г.Х.) и «О Сергее Есенине» и статью о кинематографе «Десятая музыка», подписанную псевдонимом Валентина Троерукова⁷.

⁷ По всей видимости, псевдоним продиктован не религиозными коннотациями

Для понимания настроений и убеждений этого периода жизни Германа Хохлова стоит привести некоторые его высказывания о Есенине, которые звучали в унисон с советской критикой, до деталей повторяя ее риторику: «Человеку нельзя жить одному. Для того, чтобы он был свободным и уравновешенным — ему необходимо осознавать себя частью какого-то целого, членом какого-то определенного коллектива. <...> Трагедия Есенина — в его отрыве от коллектива, в его “отступничестве”, в полной и беспощадной его одинокости» [24, с. 3].

Значительно более интересны рецензии, опубликованные Хохловым в пражской газете «Воля России», в парижской «Новой газете» и в рижской «Сегодня». И, наконец, Герман Хохлов был редким провинциальным молодым критиком, удостоившимся двух публикаций в «Современных записках» [13]; [14].

Его рецензии отличает безошибочный выбор значимого объекта, тонкий литературный вкус и то, что внедрял в своих подопечных, членов объединения «Скит» Альфред Бем: «В глазах редактора <“Современных записок”> статьи и рецензии Бема, сами по себе вполне компетентные и хорошо написанные, недостаточно занимательны для “более широких кругов читателей”; причина тому — “формалистический уклон” Бема, его установка на “формально-стилистический разбор” литературных произведений» [16, с. 172]. Чтение и обсуждение в кругу «скитовцев» работ русских формалистов оказали серьезное влияние на критическое творчество Николая Андреева и Германа Хохлова и вызвали едва ли не текстуальные совпадения в их статьях о Газданове и Сирине [см.: 5], так что замечание Андреева о стиле Хохлова («<...> у него, во всяком случае, было “остранение формы”, говоря языком Шкловского, он мог писать несколько иначе, чем было принято» [4, т. 2, с. 52]) можно считать своего рода взглядом в зеркало.

В советский период, продлившийся всего три года, статьи Германа Хохлова публиковались в «Литературной газете», в журналах

с иконой Богородицы троеручицы, а сугубо прагматической деталью — эта статья была третьим выступлением Хохлова в одном и том же выпуске «Нови», как и третьим жанром, наряду со стихотворением и очерком. В качестве первой части псевдонима скорее всего использовано имя сводной сестры Хохлова, Валентины Романовны Хохловой, дочери его дяди, окончившей Таллинскую русскую частную гимназию в том же 1927 г., что и Герман Хохлов. В несколько трансформированном виде эта статья под названием «Мысли по касательной» с подзаголовком «О кинематографе» опубликована в 1930 г. в единственном увидевшем свет номере таллиннского журнала «Русский магазин».

«Литературный критик», «Знамя». Он быстро понял и стал использовать типичную риторику того времени. Редкая его статья обходится без слов «наш», «наша», маркирующих причастность автора к коллективу, к некоему целому — он словно поверяет былыми теоретическими выкладками относительно Есенина собственную судьбу: «Черта, которая отделяет наше настоящее от дореволюционного прошлого...» [9, с. 3]; «кардинальные сдвиги нашей действительности», «радостные впечатления от посещения нашей страны» [21, с. 5] и т. п.

Его статьи свидетельствуют о социологизации сознания, о принятии им классового подхода к литературным произведениям (или о приспособлении к нему), как, например, в рецензии на роман Михаила Козакова «9 точек»: «<...> ища выхода из мертвого круга мелкобуржуазных переживаний, подталкиваемый к этому огромным творческим воздействием строящегося социализма, Козаков делает решительный <...> и вполне закономерный шаг в сторону углубления тематики» [23, с. 3].

В какой мере он искренен? По-видимому, пока дело не доходит до оценок талантливых поэтов в той самой системе, правила которой ему предлагается безоговорочно принять. В таких случаях Хохлов, пускай с оговорками, но пытается восстановить справедливость: «Очень правильная, актуальная, <...> статья Л. Левина “Все пропорции должны взвешиваться”, по крайней мере, наполовину обесценена попутной, небрежно-отрицательной оценкой поэзии Гусева. Даже если согласиться с некоторыми положениями этой оценки, то какая польза согласиться с тем, чтобы творчество несомненно одаренного поэта осуждалось в стиле “выяснительных выражений” к критике его критики. О Гусеве Левину следовало бы поговорить в специальной статье — тогда, может быть, читатель не стал бы морщиться — как он делает это сейчас — от безапелляционности ее тона» [22, с. 5].

Эвфемизм «безапелляционность тона» скрывал характерный для советской критики жанр литературного доноса. Между тем Хохлов явно не расценивал литературную борьбу как борьбу политическую, в которой врагов следует уничтожать⁸. Это видно из справки секретно-политического отдела Главного управления госбезопасности

⁸ В этой связи характерны его размышления о собственной судьбе, которые передает в главке «Герман Хохлов» Варлам Шаламов: «Мы были уверены, что сидеть в тюрьме придется. Так что арест нынешний — не сюрприз для меня, — говорил Хохлов. — Мы приехали, нас не арестовали, и года два я писал обзоры, делал доклады о

НКВД СССР об откликах литераторов и работников искусства на статьи в газете «Правда» о композиторе Д.Д. Шостаковиче. В справке, собранной из донесений секретных сотрудников НКВД всего за две недели (статья «Сумбур вместо музыки» была опубликована 26 января, справка датирована «не позднее 11 февраля 1936 г.») утверждается, что большинством творческих работников статья была встречена положительно, после чего приводятся выбивающиеся из общего тона «отрицательные и антисоветские высказывания отдельных писателей и композиторов». В списке приведены мнения как известных деятелей русской культуры — Бабеля, Платонова, Сельвинского, Олеси, Шкловского, Мейерхольда, главного дирижера Большого театра Голованова, композитора Шапорина и т. д., так и некоторых рядовых литераторов и критиков. Среди них назван и «Г. Хохлов критик», отреагировавший и в этом случае на «безапелляционность тона» статьи: «Мне после этой статьи стало грустно. Так на темы искусства разговаривать нельзя» [17, с. 292–293]. Статья была опубликована в январе 1936 г., за несколько месяцев до ареста Германа Хохлова.

Наиболее значительной — ее можно трактовать как строительную — жертвой, принесенной Германом Хохловым «на алтарь коммунизма», можно считать одну из первых его статей в «Литературной газете» 1934 г. — «Да был ли мальчик?», посвященную молодой парижской эмигрантской поэзии. Высказанные в ней оценки тем более интересны, что четырем годами раньше Хохлов опубликовал в рижской газете «Сегодня» статью «“Скит поэтов” (Пражские вечера)», в которой он, только что принятый в члены литературного объединения, писал о его работе почти восторженно, выделяя в творчестве скитовцев преемственность русской классической традиции: «Тушится светлая и холодная лампа в потолке, и на письменном столе, под зеленым абажуром, возникает иной, объединяющий свет. Начинается чтение. Есть что-то ободряющее в той уверенности, с которой происходит работа “Скита”. Начинающий поэт читает здесь свои стихи с такой свободной и спокойной простотой, с какой хороший плотник работает над своими досками. И его слушают с такой же ремесленной внимательностью. Это характерно для

советской поэзии, печатал статьи в газетах. И все же — арестовали. Я даже какое-то облегчение почувствовал. Думаю, теперь-то все сбывается, что мы и ждали. Это и будет проверка, официальная проверка. — Проверка? — А как же? Только вот почему-то в лагерь, да еще на Колыму. Наверно, это к лучшему. Дальний Север, Джек Лондон» [25, с. 287].

участников “Скита”: они ученики, они проходят школу прекрасного литературного ремесла, и потому в центре всех теоретических разговоров — тема «предельного мастерства» [10, с. 5].

В статье, опубликованной в «Литературной газете», безусловно сказывается отношение «скитовцев» и, прежде всего, их руководителя Альфреда Бема к парижским поэтам, творчество которых он рассматривал через призму упадка и декаданса. В том самом 1934 г., когда была опубликована статья Хохлова, Бем в своей работе «Свое и чужое» усмотрит у молодых парижских поэтов «отрыв от литературной традиции» [6, с. 7], а два года спустя в статье «Человек и писатель. К статье Гайто Газданова “О молодой эмигрантской литературе”» с негодованием отметит, что у парижских поэтов «духовное убожество возводится в особый культ» [7, с. 5].

В статье Хохлова расправа с поэтическим творчеством наиболее значительных молодых поэтов русского Зарубежья обнаруживает отменное знакомство с взглядами и работами Бема. При этом критическая практика новоявленного советского рецензента производит двойственное впечатление: с одной стороны, здесь есть оригинальность и точность эстетических оценок, узнаваемый идиолект, остроумие, с другой — Хохлов оснащает статью маркерами, характерными для советской критики: проверка на связь произведения с новой социалистической действительностью; присутствие темы воспитания нового и перевоспитания старого человека; столкновение старого и нового с само собой подразумеваемой победой нового; оппозиция «мы» и «они». Ангажированность сказывается и в вербальной организации нарратива, можно вспомнить один из самых известных фельетонов Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Отдайте ему курсив», высмеивающий растиражированные и избитые приемы советской критики: «Примерный ученик без лишних дум и сомнений приступает к написанию критической статьи. Он уже овладел техникой. <...> Для названия статьи употребляется так называемая формула сомнения. <...> Это удобно. Автор сразу берется под сомнение. По заголовку статьи видно, что писал ее первый ученик» [11, с. 160–161].

Называя статью «Да был ли мальчик?..», Хохлов опирался на горьковскую фразу, сразу вводя тем самым критерий фиктивности, поддельности, и развивал свой посыл, объясняя, что «речь идет о так называемой эмигрантской поэзии <курсив здесь и далее наш. — И.Б.>, и отвечая на собственный вопрос с оговоркой: Да поэзия ли это? — хочется воскликнуть в тон горьковской фразы из “Клима Самгина”: “Да был ли мальчик? Может, мальчика-то и вовсе не

было?» Да, это *все-таки* поэзия. Да, мальчик был. Чистенький, аккуратный барчук, который был выброшен гражданской войной за пределы *нашей* страны» и который теперь <...> пишет и печатает в Париже *стишки*» [19, с. 2]. Определение парижских молодых поэтов словом «барчук» позволяет Хохлову сразу обозначить саму поэзию как «белоземгрантскую».

Листая номера журнала «Числа» за 1930–1932 гг., критик приводит подборку анонимных цитат из стихотворений Бориса Божнева, Антонина Ладинского, Бориса Поплавского, Бориса Заковича и Николая Оцуа с целью доказать неразличимость их поэтического творчества и объясняет это социальным вакуумом и «социальной обреченностью»: «Вырастающая вне всяких живых связей с реальной действительностью *белоземгрантская* поэзия несет на себе отпечаток вынужденного и малокровного аскетизма. Не имеющая в себе никакой живой идеи, она отличается своей статичностью и однообразием: одни пишут лучше, другие хуже, но и те, и другие пишут все об одном и в этом году почти в тех же словах, как пять лет назад» [19, с. 2].

Хохлов понимает настроения парижской молодежи, отсутствие у нее какой бы то ни было укорененности, волю к смерти, пустоту — он подчеркивает, что все это уместается в рамки названия поэтического сборника Божнева «Борьба за несуществование» (1925). Приводит мнение Георгия Петровича Федотова, нащупавшего, как представляется, новизну поэтического творчества этого поколения: «Свою жизненность “числовцы” доказывают волей к смерти, свое рождение на Парнасе — отрицанием культуры» [18, с. 143]. Но то ли не подходит к пониманию, то ли не хочет признать за молодой эмигрантской поэзией того, что зорко разглядел в прозе Газданова и Набокова, — прихода литературы русского зарубежья к экзистенциализму.

Социальный заказ диктовал иной конец, и Хохлов, смягчая все свои инвективы в адрес молодых поэтов, заканчивает статью политическим доносом на «другую» парижскую молодежь, которая не пишет стихов и «все еще мечтает об интервенции» [19, с. 2]. Яростное «разоблачение» парижских поэтов могло бы считаться эталоном советской критики, обращенной против эмигрантской литературы, если бы не одна проговорка: «Что представляет собой эта поэзия? — спрашивает Хохлов. И отвечает: Для нас — свидетельство о распаде сознания “молодого эмигрантского человека” — личности предельно мелкой, но интересной тем, что она как никак складывалась в результате определенных исторических обстоятельств» [19, с. 2].

Проговорка здесь — в слове «интересной», свидетельствующем, что критик отчетливо понимает и особый путь, и особую участь этого поколения, фактически подверстывая сюда собственную судьбу.

По всей видимости, к этому времени он уже мог оценить трансформацию пушкинского высказывания «Слова поэта суть уже его дела» в советской стране, где слова зачастую превращались в дело, на которое НКВД ставило штамп «хранить вечно».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Белобровцева И.З.* Двойной портрет: Николай Андреев и Герман Хохлов (литературные критики из «незамеченного поколения») // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. № 34. С. 159–174.
2. *Демидова О.Р.* Изгнание как посланье: Эстезис и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 348 с.
3. *Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940): в 4 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. 509 с.*
4. *Петров И.В.* Феномен «возвращенчества» в СССР эмигрантов первой волны в 1920–1930-е гг.: историографический аспект проблемы // *Universum: Общественные науки: Электронный научный журнал*. 2018. № 11–12 (51). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/6702> (дата обращения: 14.03.2021).

Источники

5. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: в 2 т. / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. Таллинн: Авенариус, 1996.
6. *Бем А.* Свое и чужое // *Меч*. 1934. 2 сент. № 17–18. С. 5–7.
7. *Бем А.* Человек и писатель. К статье Гайто Газданова «О молодой эмигрантской литературе» // *Меч*. 1936. 3 мая. № 18. С. 5.
8. «Воспоминания» Вадима Морковина / публ. Д.В. Базановой // *Русская литература*. 1993. № 1. С. 190–239.
9. *Г.Х.* <Хохлов Г.> [Рец. на:] «Качановка» // *Литературная газета*. 1935. 20 фев. № 10. С. 3.
10. *Г.Х.* <Хохлов Г.> Скит поэтов (Пражские вечера) // *Сегодня*. 1930. 1 сент. № 240. С. 3.
11. *Ильф И., Петров Е.* Отдайте ему курсив // *Собр. соч.: в 6 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 3. 543 с.*

12. *Левинсон Г.И.* Я постаралась забыть... Вся наша жизнь: Воспоминания Г.И. Левинсон и рассказы, записанные ею. М.: Мемориал, 1996. С. 5–63.
13. *Новик Ал.* [Рец. на:] *Сирин В.* [Набоков В.В.]. Защита Лужина. Берлин: Слово, 1930 // *Современные записки.* 1931. Кн. 45. С. 514–517.
14. *Новик Ал.* [Рец. на:] *Фельзен Ю.* Обман: Роман. Париж: Я. Поволоцкий, 1930 // *Современные записки.* 1931. Кн. 46. С. 499–501.
15. Письмо руководителя архива Карлова Университета (Прага) доктора философии *Milada Sekyrková* автору статьи от 20.09.2021 (личный архив И. Белобровцевой).
16. «Скит». Прага. 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / ред. Л.Н. Белошевская. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
17. Справка секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР об откликах литераторов и работников искусства на статьи в газете «Правда» о композиторе Д.Д. Шостаковиче // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: МФД, 2002. 872 с.
18. *Федотов Г.* О смерти, культуре и «Числах» // *Числа.* 1930. № 4. С. 329–333.
19. *Хохлов Г.* Да был ли мальчик? // *Литературная газета.* 1934. 12 марта. № 30. С. 2.
20. *Хохлов Герман Дмитриевич:* Мартиролог: Жертвы политических репрессий, расстрелянные и захороненные в Москве и Московской области в период с 1918 по 1953 год // Память о бесправии. Проект Музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» им. Андрея Сахарова. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?t=page&id=14850> (дата обращения: 13.02.2021)
21. *Хохлов Г.* [Рец. на:] «Звезда» № 9 // *Литературная газета.* 1935. 15 окт. № 57. С. 5.
22. *Хохлов Г.* [Рец. на:] «Звезда» № 11 // *Литературная газета.* 1935. 20 дек. № 70. С. 5.
23. *Хохлов Г.* История и вымысел. Михаил Козаков. 9 точек // *Литературная газета.* 1935. 10 фев. (№ 8). С. 3.
24. *Хохлов Г.Д.* О Сергее Есенине // *Новь.* 1928. Вып. 1. С. 3.
25. *Шаламов В.* Герман Хохлов // *Шаламов В.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Терра – Книжный клуб, 2005. Т. 4. Вишера: рассказы, сборники, стихи. С. 558–562.
26. *Шаламов В.* Лучшая похвала // *Шаламов В.* Левый берег. М.: Современник, 1989. С. 314–327.

REFERENCES

1. Belobrovtsseva, I.Z. “Dvoinoi portret: Nikolai Andreev i German Khokhlov (literaturnye kritiki iz ‘nezamechennogo pokoleniia’)” [“Double portrait: Nikolai Andreev and German Khokhlov (Literary Critics of the ‘Unnoticed Generation’)”]. *Toronto Slavic Quaterly*, no. 34, 2010, pp. 159–174. (In Russian)
2. Demidova, O.R. *Izgnan’e kak poslan’e: Estezis i etos russkoi emigratsii* [Exile as a Message: Estesis and Ethos of Russian Emigration]. St. Petersburg, Russkaia kul’tura Publ., 2015. 348 p. (In Russian)
3. *Literaturnaia entsiklopediia Russkogo Zarubezh’ia (1918–1940): v 4 t.* [Literary Encyclopedia of the Russian Abroad: in 4 vols.], vol. 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 509 p. (In Russian)
4. Petrov, I.V. “Fenomen ‘vozvrashchenchestva’ v SSSR emigrantov pervoi volny v 1920–1930-e gg.: Istoriograficheskii aspekt problemy” [“Phenomenon of the First Wave Emigrants Coming Back to the Soviet Union in 1920–1930s: Historiographical Aspect of the Problem”]. *Universum: Obshchestvennye nauki: Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 11–12 (51), 2018. Available at: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/6702> (Accessed 14 March 2021). (In Russian)

Дата поступления статьи: 25 ноября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 июля 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: November 25, 2021

Approved: July 30, 2022

Date of publication: October 07, 2024